

Возрастные особенности детской одежды чукчей

Надежда Ивановна Вуквукай,

научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института ДВО РАН, Анадырь.

E-mail: kerker@inbox.ru

В статье на базе литературных источников, коллекций музейных фондов и полевых материалов автора за 1996—2015 гг. рассматривается традиционная детская одежда чукчей разных возрастных категорий, её характерные особенности. Подробно рассмотрена национальная терминология как всего костюма, так и отдельных деталей изделия. Изложенный материал наглядно показывает трансформацию детского костюма от грудничкового до переходного возраста. Наряду с общими формами детской одежды показаны семейные и территориальные особенности детского костюма. Выделяются основные его признаки, присущие оленеводческой культуре. Отмечаются характерные особенности описания одежды в литературных источниках. Представители инокультурной среды, как правило, больше внимания уделяют внешнему виду одежды. Авторы из коренного населения акцентируют внимание на символических аспектах, многие из которых имели для чукчей сакральный смысл. Символический смысл вещей характеризуется в статье на примере технологических особенностей изготовления одежды и её использования в обрядовой практике. Показана связь между обрядом именная речения ребёнка и особенностями его одежды. Сделан вывод о том, что традиционная детская одежда чукчей, прекрасно приспособленная к суровому климату и специфическому быту оленеводов и морских зверобоев, не потеряла своего функционального значения и духовной составляющей и в современной жизни коренных жителей Чукотки.

Ключевые слова: Чукчи, детская одежда, её возрастные категории и локальные различия, семантика, символические и сакральные особенности одежды.

Age peculiarities of the Chukchi children clothing.

Nadezhda Vukvukai, North-East a comprehensive research Institute, FEB RAS, Anadyr, Russia. E-mail: kerker@inbox.ru.

The article examines the Chukchi traditional children clothing of various age groups and its peculiarities based on literary sources, collections of museums funds, and field data of the author during 1996—2015. The national terminology of the whole costume as well as its details is examined thoroughly. The material demonstrates transformation of the clothing from the breastfeeding age until the awkward age. Along with the general forms of the children clothing, the family and territory characteristics of the children clothing are shown. The essential

features typical for the reindeer culture are distinguished. The peculiarities of the clothing description in literary sources are mentioned: the representatives of external culture pay attention to the visual appearance while the authors from indigenous population concentrate on symbolic aspects of the clothing which had a sacred meaning for the Chukchi. Symbolism of clothing is described in the article in the examples of technological characteristics of clothing manufacturing and its use in the ritual practice. It is shown that there is a connection between the rituals of the child's naming and the characteristics of its costume. It is concluded that traditional Chukchi children clothing well-adjusted to the harsh climate and specific way of life of reindeer breeders and coastal hunters hasn't lost its functional role and spiritual constituent in modern life of indigenous inhabitants of Chukotka.

Keywords: Chukchi, children clothing, age categories and local differences, semantics, symbolic and sacred peculiarities of clothing.

У современного сообщества Чукотки растёт интерес к различным аспектам традиционной культуры аборигенных народов. Особенно востребованными для нового осмысления являются предметы материальной культуры, которые, во многом исчерпав себя в качестве основы жизнеобеспечения, продолжают выполнять важную этноинтегрирующую функцию. Одним из таких компонентов традиционной материальной культуры чукчей является детская одежда, анализу которой и посвящена настоящая статья. Одежда чукчей, как и целый ряд других предметов их материального мира (яранга, полог, поворотный гарпун и т.п.), безусловно, относится к числу гениальных хозяйственно-культурных изобретений северных народов, без которых жизнь в суровых условиях Севера была бы просто невозможной.

Более или менее полного научного исследования детской одежды чукчей в настоящее время нет, хотя история её изучения насчитывает уже более 150 лет. Первое описание детского костюма принадлежит К. Дитмару [8] и относится в середине XIX в. Весьма содержательными для изучения одежды чукчей на рубеже XIX—XX вв. являются труды В.Г. Богораза [3; 4], на которые опиралась в своём обзоре одежды палеоазиатских народов Н.Ф. Прыткова [11]. В трудах Дитмара и Богораза впервые определяются характерные признаки детского комплекса одежды и его возрастные особенности.

Важным источником для изучения вопроса могут служить художественные произведения писателей-северян, прошедших социализацию в традиционной среде чукчей [10; 13]. Для литературных источников характерна одна особенность. Представители инокультурной среды, как правило, больше внимания уделяли описанию внешнего вида одежды. Представители же коренного населения, характеризуя детскую одежду, акцентировали внимание на символических аспектах проблемы. В этом плане необходимо особо отметить работы А.Б. Беляевой [1; 2] и Р.М. Раг-

Нам мороз не страшен. Фото К. Лемешева

тытваль [12]. В настоящее время традиционная детская одежда чукчей во многом уже вышла из употребления, и потому особую ценность для её изучения представляют экспонаты местных краеведческих музеев. Коллекция детской одежды в фондах Магаданского областного краеведческого музея (МОКМ) начала формироваться в 1962 г., сейчас она содержит 23 предмета: 9 меховых комбинезонов, 7 кухлянок и камлеек, а также головные уборы и обувь. Аналогичный комплекс детской одежды имеется в фондах Музейного Центра «Наследие Чукотки» (ЧОКМ), его коллекция насчитывает 35 предметов детской одежды: 9 комбинезонов, 9 кухлянок и камлеек, головные уборы, обувь.

Важным дополнением к указанным источникам послужили полевые материалы автора (ПМА), собранные в различных районах Чукотки. Всего было опрошено 32 информанта — знатока детского традиционного костюма. Всем им автор выражает глубокую благодарность за неоценимую помощь в работе. Литературные материалы, коллекции национальной одежды в музейных фондах и полевые материалы автора в совокупности дают возможность охарактеризовать предмет исследования наиболее полно.

Общим названием для детской одежды на всей территории Чукотки является *к'алгэк'эр* — детский меховой комбинезон. По внешнему виду детскую одежду можно разделить на три возрастные категории: для новорождённых (грудничков); одежда детей 3—5 лет; подростковая. Друг от друга они отличаются некоторыми деталями. Наиболее полно к настоящему времени описана для детей 3—5 лет, т.к. именно она чаще всего привлекала внимание путешественников, а также хорошо представлена в музейных коллекциях. Рассмотрим возрастные категории детской одежды более подробно.

Одежда для новорождённого. Чукчи считали детей бесценным даром, и поэтому всё, что было с ними связано, оберегали от внешнего воздействия. Особенно боялись привлечь внимание недобрых духов *кэльэт*, поэтому прямо говорить о беременности или открыто выражать радость по случаю рождения ребёнка было не принято. «Кэйн’эу готовила детское приданное тайно от людей и называла его „покрышка живота“... А старуха мать, с нетерпением ждавшая внука или внучку, усердно шила кукулек из старых оленьих шкур для прогулок малыша на улице. Она тоже не называла свою работу настоящим именем: никто не должен знать, что на свет появится новый человек...» [10, с. 11]. Рождение ребёнка держалось в тайне, о предстоящем событии старались выражаться иносказательно, к появлению нового человека не готовились. По этой причине первой одеждой для новорождённых зачастую были приспособленные вещи — бабушкин меховой чулок из зимней шкуры оленя или пыжиковая шкурка, снятая чулком. Отсюда и название *ягвочгын/яггочгын/ягъёчгын* — меховой кукулек для новорождённого (дословно — предмет, «куда пяточки помещают»)¹.

Ягвочгын из пыжика (шкура телёнка в возрасте до 1 месяца) использовали примерно до месяца жизни ребёнка. Роженицу нельзя было видеть первые 10 дней, ребёнка также не выносили из спального помещения в течение первого месяца, до этого возраста его запрещалось показывать чужим [13, с. 156]. Видимо, по этой причине в письменных источниках так мало информации о внешнем виде первой одежды новорождённого.

Хотя меховой кукулек *ягвочгын* известен во многих районах Чукотки, этот вид одежды в большей степени характерен для кочевой культуры оленеводов. Внешне он напоминает конверт из зимней шкуры оленя мехом внутрь. При кочёвке голову ребёнку для тепла прикрывали клапаном. С затылочной стороны кукуля делалась петля, с помощью которой его можно было повесить на любой крючок, и ребёнок раскачивался, как в люльке. При необходимости с помощью петли кукулек перетаскивался с места на место, при этом мех зимнего оленя служил хорошим амортизатором. Чтобы кукулек меньше промокал при кочёвке, сзади (в районе копчика) пришивали прямоугольную деталь из дымлёной шкуры. Для этой цели использовали обычно материал для покрышки яранги.

У береговых чукчей женщины носили новорождённого в своём капюшоне, поэтому его делали больше обычных размеров. Из капюшона выглядывало обычно два лица — матери и ребёнка. Это всегда производило впечатление на приезжих, первые путешественники обязательно обращали на это внимание. К. Дитмар сообщал: «Ребёнок, зашитый в меховой мешок, носится матерью на спине между плечами» [8, с. 23].

Примерно через месяц грудному ребёнку шили *рылкэр* — одинарный комбинезон из пыжика мехом к телу (рис. 1). В основе этого термина лежат два корня, определяющих использование предмета. Глагол «*рылык*» — «внести/вложить в „спальное“ помещение», конкретно в полог². Вторым кор-

¹ ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.; Пененны Г., Чаунский район, 1950 г.р.

² ПМА, Беличенко М.И., Провиденский район, 1945 г.р.

нем *кэр*- обозначается сам предмет: «*кэркэр*» — меховой комбинезон. *Рылкэр* считался ночным видом одежды [12, с. 103]. Это название характерно для мужского произношения. В женском произношении ночной комбинезон звучит как «*цылкэр*»³. Есть свидетельства, что первую одежду ребёнку шила повитуха, которая и давала ему имя⁴.

Наглядным примером одежды грудных младенцев может служить *к'алгэкэр* из коллекции Магаданского областного краеведческого музея, приобретённый в с. Амгуэма Иультинского района в 1976 г. (рис. 2). Подробное его описание сделано А.В. Беляевой. Нижний комбинезон пошит из шкурки выпоротка (внутриутробного телёнка чаще всего от павшей матки) мехом внутрь, имеет капюшон, клапан, глухие рукава и штанины. Украшен он белым мехом: опушка по краям и вкладки в швах соединения деталей [1, с. 193]. О том, что это костюм для новорождённого, говорят глухие рукава и штанины. Аналогичный костюм описан В.Г. Богоразом [4]. Он упоминает и о существовании особого дорожного комплекта одежды для новорождённого: нательная одежда — комбинезон *рылкэр*, верхняя — меховой кукуль *ягвочгын*.

По словам стариков Беринговского района, *рылкэр* использовался, пока дети были несмышлёнными — *юргылыт*⁵. Позднее комбинезон делался двойным из более толстых шкур оленьих телят. По мере роста малыша длину рукавов и штанин можно было увеличить надставками. Так делали и при нехватке сырья. Наряду с общими формами детской одежды бытовали и варианты с отличиями, обусловленными семейными традициями. В одной яранге шили комбинезон

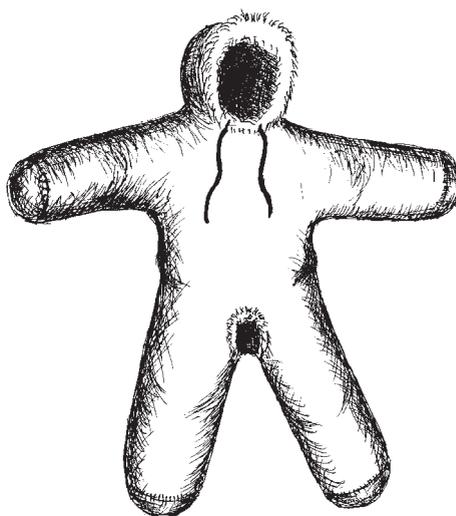

Рис. 1. *Рылкэр* — меховой комбинезон для новорождённого

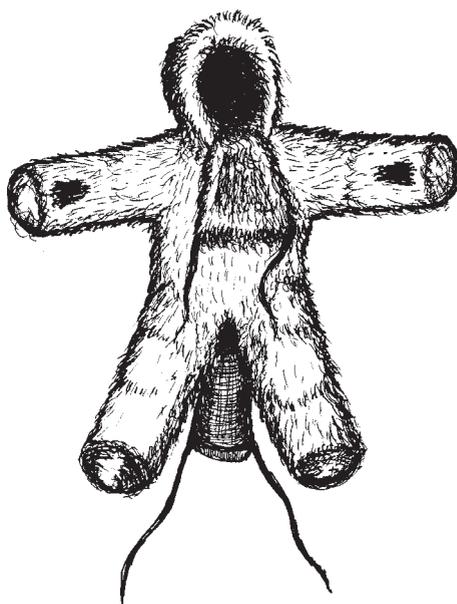

Рис. 2. Меховой комбинезон *к'алгэкэр*

³ ПМА, Татаринцева Л., Анадырский район, 1957 г.р.

⁴ ПМА, Макарова Е., Чукотский район, 1940 г.р.

⁵ ПМА, Рынватау С.М., Беринговский район, 1941 г.р.

с капюшоном, в соседней — без⁶. Новорождённому могли сшить одежду как взрослому: кухлянку, штаны, обувь⁷. Следует отметить одну существенную деталь детского костюма для мальчиков. К *рылкэру* обязательно пришивали нагрудник *аноквын* — неотъемлемую часть мужской одежды⁸.

Одежда для детей в возрасте 3—5 лет. Основной одеждой детей этой возрастной категории был *к'алгэкэр* — меховой комбинезон с капюшоном и клапаном. Общее его описание содержится в работах В.Г. Богораза [3; 4]. Наши полевые материалы позволяют охарактеризовать основные признаки детской одежды этого возраста более подробно. Основная функциональная особенность детского мехового комбинезона отражена в названии предмета. Буквальный перевод термина *к'алгэкэр* — закрытое со всех сторон пространство: от слов *к'элгин* — помещение и *керкер* — комбинезон⁹. Детские комбинезоны также называли уменьшительно-ласкательным словом «*кэркэрк'ай*», т.е. комбинезончик.

«Ребёнок, который носит такое платье, — пишет В.Г. Богораз, — называется *к'алге-керан*, и это служит обозначением известного возраста от трёх до шести лет. Вместо этого говорят также *лымгыран* — „в капюшоне“ — от *лымгылым* „капюшон“. В обоих терминах основополагающим является слово „*ран'ы*“, что на чукотском языке обозначает „жилище“» [4, с. 15]. Названия детской одежды в буквальном переводе определяют её как «дом», т.е. изолированное от окружающей среды пространство.

Действительно, одежда ребёнка представляет собой защищённое со всех сторон пространство (рис. 2). Достигается это как формой изделия, так и используемым сырьём. Зимний комбинезон делали двойным, нижний мехом к телу и верхним мехом наружу. Нижний керкер являлся основным видом детской одежды. К нему пришивались необходимые детали: капюшон, клапан и опушка на капюшон. Верхний комбинезон шился из меха толще, чем неблюй (шкура августовского забоя оленей). Края изделия опушались тёплым собачьим мехом. Рукава и штанины комбинезона были наглухо закрыты, поэтому руки и ноги ребёнка всегда находились в тепле. Конструкция изделия отражается и в названиях деталей одежды. Так, рукав *почъакойн'ын* в переводе с чукотского звучит как «рукав стаканом», «рукав-кружка» (от слов *почъальгын* — рукав, *койн'ын* — кружка). Аналогично выполнены штанины комбинезона. Благодаря простоте конструкции комбинезон легко выворачивать и сушить.

Комфортность и практичность были основополагающими характеристиками детской одежды. Неслучайно тундровики говорят о детстве как о времени безмятежности и неги: «Я носила детский керкер. У меня в рукавах всегда что-то было. Мама старалась, чтобы „комбез“ был удобным, ничего не выглядывало»¹⁰.

⁶ ПМА, Кымытваль З., Иульгинский район, 1960 г.р.

⁷ ПМА, Пененны Г., Чаунский район, 1950 г.р.

⁸ ПМА, Тевлянкау Е., Беринговский район, 1964 г.р.

⁹ ПМА, Тевлялькот А.Е., Иульгинский район, 1947 г.р.

¹⁰ ПМА, Эттытегина Р., Шмидтовский район, 1977 г.р.

Характерной деталью детского комбинезона является объёмный капюшон *лымгылым*, через который и надевали керкер. В нижней части он регулируется ремешками. Обязательная его часть — нагрудник *аноквын*, с помощью которого прикрывают лицо ребёнка во время кочёвки. Капюшон делали из меха головы телёнка, оставляя её естественную закруглённую форму и все детали: ушки, рожки, глазные проёмы. Обычай сохранять ушки на головных уборах встречается и в настоящее время. Информанты это объясняют так: «Детские *лымгык'эгти* шьют с ушками, чтобы дети лучше слышали. Помню, как баба Вера сшила Тане Гринчук модную женскую шапку из лисьего меха и оставила ушки. Таня ей говорит: „Ну что ты, бабушка, сделала?“ — „Чтоб ты лучше слышала“»¹¹. Участвовавшая в беседе мастерица пояснила: «Ушки можно убрать вовнутрь. Я детишкам делала *лымгык'эгти* с рожками и ушками из щёчек и лобиков оленя. На месте глаз дырки ведь не оставишь, так и украшения туда добавляли»¹².

Жители побережья, в большинстве своём не имевшие личных оленей, шкуры на одежду (в основном августовского забоя) выменивали у оленеводов. Поэтому шапочки шились не только из лобиков, а внешние атрибуты оленеводческой культуры имитировались. «У нас детские шапочки шили с ушками, — вспоминает уроженка с. Энмелен Провиденского района. — Специально меховой мозаикой делали подобие ушек с опушкой наверху и пришивали к шапке, таким образом имитировались ушки»¹³. Информанты по-разному трактуют это явление. Старики прибрежных сёл объясняют сохранение в одежде атрибутики оленеводства традицией. По мнению оленеводов, ушки на шапках говорят о том, что у ребёнка есть личные олени: на ушах ставили тавро хозяина¹⁴. Женщина, проработавшая при стаде всю жизнь, рассказывает, что важеньки новорождённому телёнку в первую очередь облизывают именно ушки, чтобы не замёрзли, а швеи им подражают¹⁵. Каждый вариант в своей основе имеет символическое значение. Сохранение ушек на шкуре оленя, предназначенной для шитья одежды, является основным признаком оленеводческой культуры.

Необходимой деталью детской одежды является *макы* (рис. 3), закрывающий паховое отверстие комбинезона *о'оргын*. *Маки* (ед. ч., макат — мн. ч.), *макашки* (от чук. *макат*, местечковый говор обрусевших чукчей) — аналог современных подгузников — прикреплялся к комбинезону ремешками. Наполнителем служил торфяной мох *витъывит*. *Маки* использовали до тех пор, пока ребёнок не приучался самостоятельно справлять нужду. Подробная его характеристика содержится в работе Р. Рагтытваль [12, с. 104].

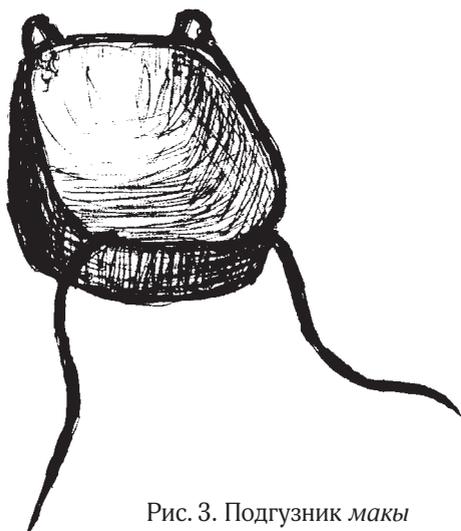
¹¹ ПМА, Терлецкая Т., Билибинский район, 1954 г.р.

¹² ПМА, Ильина С., Билибинский район, 1935 г.р.

¹³ ПМА, Гыргольнаут И., Провиденский район, 1943 г.р.

¹⁴ ПМА, Вальгиргин А., Анадырский район, 1948 г.р.

¹⁵ ПМА, Каантакай З.А., Анадырский район, 1936 г.р.

Рис. 3. Подгузник *макы*

К материалу, из которого делали *макы*, предъявлялись определённые требования. Шили его из покрывки яранги *рэтэма* ворсом внутрь¹⁶. Рэтэм влагоустойчив и не нагревается. Не рекомендовали шить *макы* из собачьей шкуры: собачий мех быстро раскисает, его приходится чаще менять. Старые женщины в качестве весомого аргумента против шитья клапана из собачьего меха приводят разные приметы. В с. Канчалан бытует, например, такое суждение, высказанное когда-то пожилой женщиной своей дочери: «Когда меня не станет, никогда не шей ма-

кашки из собачьего меха. А то ребёнок, когда вырастет, будет гулять, как собака во время гона»¹⁷. Похожие утверждения я слышала от нескольких женщин. Предупреждение неоднократно подтверждалось жизненными ситуациями, его передавали из уст в уста современные швеи, и требование закрепилось в памяти.

По мере износа или роста ребёнка клапан менялся. К комбинезону новорождённого *макы* делали съёмным. По форме он напоминает небольшую лоханку с завязками. Когда ребёнок начинал ходить, ему шили *к'альгэкэр* с торбазиками и *макы* с длинными завязками на спине. В трёхлетнем возрасте *макы* пришивали к заднему краю пахового отверстия комбинезона и привязывали спереди с помощью вязок [9, с. 27]. Повседневные *макат* глубокими не делали, чтобы не закладывать много мха¹⁸. Были и дорожные *макат*. Их делали большими и наполняли мхом в смеси с оленьей шерстью *рыгрыг*¹⁹. Во время кочёвки такие *макат* были наиболее практичными: мох впитывает влагу, а шерсть утепляет. Использование моховых прокладок характерно для всех народов, осваивавших просторы Арктики [4, с. 15]. На побережье в мох *рыгрыг* не добавляли, утеплённые шерстью прокладки характерны для кочевой культуры.

Мох *витъывит* известен не только своими гигроскопическими свойствами, но и как прекрасный антисептик, поэтому в полевых условиях незаменим как санитарно-гигиеническое средство [7, с. 130]. Он хорошо впитывает влагу, его можно менять и использовать неоднократно²⁰. Заготовкой мха занимались летом в сухую тёплую погоду, чтобы он мог

¹⁶ ПМА, Бондарь Л., Анадырский район, 1936 г.р.; ПМА, Номчайвына Н., Анадырский район, 1983 г.р.

¹⁷ ПМА, Клишко О., Анадырский район, 1957 г.р.

¹⁸ ПМА, Эттытегина Р., Шмидтовский район, 1977 г.р.

¹⁹ ПМА, Каантакай З.А., Анадырский район, 1936 г.р.

²⁰ ПМА, Шкуренкова А., Билибинский район, 1943 г.р.

хорошо просохнуть. «Когда мы видели, что мама заготавливает мох, то понимали, что родится ещё кто-то. У хорошей хозяйки было много заготовлено мха»²¹. Этот процесс женщины вспоминают как эпизоды детства. В настоящее время его уже не заготавливают, но все говорят о преимуществах моховых прокладок: «Все, кто вырос в керкере, не болели болезнями мочеполовой системы»²²; «Со мхом *макы* не преют. Старались сразу менять прокладку. Мне всегда было тепло и сухо. Носила до тех пор, пока в школу не пошла»²³. Когда не хватало мха, то использовали кусок шкуры оленя: она тоже хорошо впитывает влагу.

С *макы* у чукчей связано несколько поверий. Считалось, например, что по мере износа его надо сжигать, иначе ребёнок будет бездетным²⁴. Использованный мох нельзя просто выбросить, маме нужно на него помочь. Мох носил информацию о ребёнке, и её надо было обязательно смыть²⁵. Поскольку считалось, что дети даются как награда за праведную жизнь, то и все элементы детской одежды наделялись соответствующими смыслами.

По мере роста ребёнка происходила трансформация деталей детского костюма. Когда малыш становился более активным, прорезали глухие рукава. Это событие было знаковым в его жизни. В некоторых семьях в этот момент ребёнку давали и имя. Ритуал прорезания рукавов на детском комбинезоне — своего рода инициация. В надежде на лучшую долю ребёнка обряд старались обставить как можно значительнее. Чтобы дочка была искусницей, приглашали известную мастерицу; чтобы мальчик был удачливым охотником или оленеводом — мужчину с такими качествами. После совершения ритуала устраивался праздник с соревнованиями и подарками, обставлялся он тем грандиознее, чем состоятельнее был хозяин [6, с. 42]. Среди стариков существует убеждение, что те, кому такой обряд не совершали, вырастают людьми, плохо приспособленными к жизни.

Не менее важным было событие, когда ребёнок делал первые шаги. Ему символично разрезали пути на ногах, проводя руками между ног, как ножом. После этого со штанов срезались донышки *тынныт*, а на ноги надевалась короткая обувь из камуса телят²⁶.

В гардеробе каждой хозяйки найдутся детские вещи уже взрослых детей. Существует поверье: если беречь вещь ребёнка, то род будет продолжаться²⁷. Как правило, сохраняли головные уборы или маленькие комбинезоны.

²¹ ПМА, Лаврищук Е., Билибинский район, 1943 г.р.

²² ПМА, Камышева Т.И., Анадырский район, 1948 г.р.

²³ ПМА, Эттытегина Р., Шмидтовский район, 1977 г.р.

²⁴ ПМА, Соболькова В., Анадырский район, 1957 г.р.; Кейтук М., Анадырский район, 1962 г.р.; Чирушкина Е., Анадырский район, 1944 г.р.

²⁵ ПМА, Кымытваль З., Иультинский район, 1960 г.р.

²⁶ ПМА, Шкуренкова А., Билибинский район, 1943 г.р.

²⁷ ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.; Кымытваль З., Иультинский район, 1960 г.р.; Эттытегина Р., Шмидтовский район, 1977 г.р.

Подростковая одежда — одежда переходного возраста, когда дети приобретают половые различия. С этого момента их приобщают к занятиям, свойственным половой группе. Определённо утверждать, с какого возраста детям шили одежду как у взрослых, трудно. В литературных источниках этот период определяется обычно возрастом 6—8 лет [4; 8]. Наши информанты утверждают, что такую одежду могли шить с первых шагов ребёнка, а то и с самого рождения. Предположительно, всё зависело от семейных традиций и социального положения родителей. Тем не менее одежда переходного возраста существовала и отличалась как от детской, так и от взрослой. Важными её признаками были материал, из которого она изготавливалась (мех пыжика), а также наличие *макат*²⁸.

Мальчика с детства воспитывали как мужчину, развивая в нём качества хозяина. И он привыкал относиться к жизни серьёзно, ответственно. Настоящую мужскую одежду ему шили, как только он начинал ходить. С 4—5 лет мальчиков начинали одевать в кухлянки *иръын* и штаны *к'онагтэ*. Штаны представляли собой полукомбинезон на лямках, к ним делали *макат*²⁹. В отдельных семьях детям шили праздничные кухлянки, которые были чуть короче, чем у взрослых. Технология пошива детских кухлянок не отличалась от изготовления взрослой одежды. Праздничная кухлянка мальчика *гырго-чан'эръын*, или *вылгэръын*, подробно описана Р. Рагтытваль [12, с. 104].

Штаны шились и из летнего камуса, с них легче было отряхивать снег. Они считались привилегией удачливого мужчины. Мужчины, у которых в детстве были камусные штаны, вспоминают их как возможность выделиться среди остальных: «В таких штанах хорошо кататься с горки на колёнках. Даже девчонки просят у мальчишек их надеть, чтобы покататься»³⁰. Наличие в детском гардеробе камусных штанов было характерно в основном для оленеводов. Проблема сырья не стояла, они имели возможность шить детям одежду из любого материала. У детей оленеводов и в XX в. был прекрасный гардероб. Приморские чукчи камусные штаны детям обычно не шили из-за нехватки сырья³¹.

Общее название одежды для девочек-подростков — *н'авкэр* (рис. 4). К четырём годам девочке делают керкер как взрослой. Это переходная форма одежды: *н'эвычк'этин керкер*, т.е. «керкер как у женщины». У *н'авкэр* макат короткие, из оленьей шкуры, их завязывают спереди на тесёмочки или застёгивают на пуговики. Рукава *почъакойн'ын* делали как у маленьких, а штанины *к'онайгыргыт* уже как у женщин — до колен и с напуском. Плушечка-воротник *кэргыргычормын* — как у взрослых.

В некоторых семьях свой первый керкер девочка шила сама — так её приобщали к шитью. В этом возрасте уже хочется быстрее вырасти, одеваться красиво. Первый керкер шили из пыжика, он лёгкий и мягкий.

²⁸ ПМА, Тевлялькот А.Е., Иульгинский район, 1947 г.р.

²⁹ ПМА, Цвиргун Н., Анадырский район, 1943 г.р.

³⁰ ПМА, Нувано В., Анадырский район, 1963 г.р.; Ранаврольтын Г., Билибинский район, 1942 г.р.

³¹ ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.

Женщины любят вспоминать свой первый керкер: «Я в детстве керкер носила, мама мне первый шила, я ещё маленькая была»³²; «В детстве я ходила в школу в керкере. У меня был очень красивый керкер, мама шила. Красила ольховой корой, красный-красный был, очень красиво было»³³; «Мы жили в Берёзово. На праздник молодого оленя мама пошила новый керкер. Я вышла в новом, красивом керкере, чтобы похвастаться перед соседями»³⁴.

В подростковом возрасте у детей появлялся ещё один вид одежды — камлейка *кэмллиюн* — верхняя одежда защитного характера. Кроме основной функции защищать меховую одежду от непогоды её использовали как обрядовую одежду на главном празднике оленеводов *вьльгык'аанмат*. «Если хотели ребёнка побаловать, то ему шили *кэмллиюн* как взрослым» — вспоминают женщины³⁵.

В семьях прибрежных чукчей видовое определение детского костюма носило сакральный характер. Если ребёнку давалось эскимосское имя, то и одежду он должен был носить эскимосскую — кухлянку с капюшоном, боковые детали которого — контрастные клинья — напоминают клыки моржа, а опушка из меха росوماхи похожа на моржовые вибриссы³⁶. О причинах различий в одежде детей в своей семье рассказала женщина из с. Чегтун (Чукотский район): «Мама рожала много и каждый раз повитуха решала, какую одежду будет носить ребёнок. Я носила керкер. Сестра носила кухлянку, и её воспитывали как мальчика. Кухлянка была морского вида, на ней были знаки принадлежности к морским людям — клыки на капюшоне. Видимо в роду повитухи носили такие кухлянки»³⁷. Те же особенности отмечает жительница с. Уэлен: «У первых детей была одна крёстная, когда дети стали умирать, крёстного поменяли. По его одежде, как у эскимосов того берега (Аляски, — *Н.В.*), и стали шить одежду детям»³⁸.

Головные уборы. Головной убор входил в гардероб ребёнка, если у его комбинезона не было капюшона, а также когда ребёнок переходил на «взрослую одежду». Детские головные уборы *к'чакъале* шили из

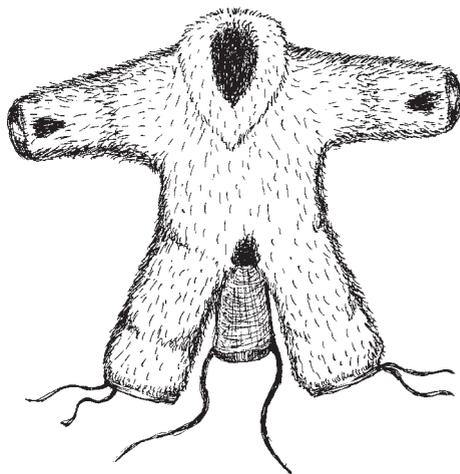

Рис. 4. *Н'авкэр* — меховой комбинезон девочки-подростка

³² ПМА, Бондарь Л., Анадырский район, 1936 г.р.

³³ ПМА, Гынатваль В., Анадырский район, 1946 г.р.

³⁴ ПМА, Кеунеут А., Анадырский район, 1941 г.р.

³⁵ ПМА, Акукын Н.П., Чукотский район, 1930 г.р.

³⁶ Вибриссы — усы на верхней губе моржа в виде густой бахромы, с помощью которых животные разыскивают пищу (моллюсков, червей, ракообразных) в придонных глубинах, куда свет почти не проникает даже летом.

³⁷ ПМА, Макарова Е., Чукотский район, 1940 г.р.

³⁸ ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.

лобной части шкуры оленя (*к'чат* — лобики, *къэли* — головной убор, шапка). Для изготовления шапки аккуратно снималась шкура с головы оленя, и шапка получалась круглая. При этом старались сохранить все детали: ушки, рожки, глаза — и использовать их как своеобразные украшения шапочки. При этом из мордочек новорождённых телят шили шапочки новорождённым, из мордочек августовских телят — детям постарше.

В коллекции детской одежды МОКМ есть зимние головные уборы детей до года и 3—4 лет. Все головные уборы украшены меховым мозаичным орнаментом или бисерным полуовальным узором на темени перед опушкой, в разрезе глаз — бисерные рисунки в виде концентрических кругов [12, с. 105]. В коллекциях детских головных уборов Чукотского окружного и Магаданского областного краеведческих музеев преобладают головные уборы типа *к'чакъале*. Это может свидетельствовать о том, что для детской одежды чукчей в основном характерны головные уборы, напоминающие по форме голову оленя, что является традиционным кроем головных уборов чукчей.

Детская обувь *к'чаплякыт*, *к'чаягыт* (*к'чат* — лобики, *плекыт* — обувь, *егыт* — ноги) отличалась от взрослой только размерами. Преимущества такой обуви мастерицы объясняют так: «Раньше детям торбазы шили из оленьих лобиков мехом вовнутрь, весь торбаз из лобиков, даже *культэт* (подошва из лахтачьей шкуры). Мех у них очень толстый и плотный. Такая обувь носится долго, очень тёплая, хотя на вид не очень красивая. Детям всё равно, в чём ходить, а материал лёгкий, и обувь получается лёгкой»³⁹. Разновидностью детской обуви были торбаса *чечот* из камуса на подошве из копытной шётки (межкопытный мех оленя). По составу сырья *к'чаплякыт* и *чечот* более характерны для оленеводческой культуры. У морских охотников подошвы детской обуви делали из лахтачьей шкуры: детские вырезали с шейной части шкуры, подошвы мужских торбасов — с середины; края использовали для женской обуви. Оленеводы получали лахтачьи шкуры от прибрежных жителей, но к ним везли не целую шкуру, а уже заготовки на подошву⁴⁰.

Мех для детской одежды подбирался в соответствии с возрастом ребёнка. Новорождённому комбинезон шили из шкурки выпоротка. Меховой конверт к комбинезону делался из шкуры зимнего оленя мехом наружу. Но основным сырьём для детской одежды был пыжик. «Шкурка пыжика мягкая, легко рвётся, поэтому на одежду взрослым она почти не используется»⁴¹. Одежду из пыжика обычно носили в тёплое время. Опушку на капюшоне делали из собачьего меха.

Выбирая сырьё на одежду, обязательно учитывали расцветку меха. Дети и старики носили пёстрые и белые одежды. Это вызвано не только возрастными и социальными особенностями, но и практичностью. О вариантах расцветки меха в зависимости от возраста детей рассказывала

³⁹ ПМА, Ильина С., Билибинский район, 1935 г.р.

⁴⁰ ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.

⁴¹ ПМА, Тевлялькот А.Е., Иульгинский район, 1947 г.р.

мастерица из Билибинского района: «Детская одежда шьётся из шкур оленя беловатой масти с коричневой полосой вдоль спины. Ребёнку чуть постарше — из белых шкур с чёрными пятнами. В юношеском возрасте расцветка шкуры чёрная с белыми пятнами». Белые и пёстрые шкуры отличаются от тёмных качеством: они менее практичны для повседневной носки, волосяной покров у них не плотный, мездровая поверхность не прочная, вещи из такой шкуры быстро приходят в негодность⁴². Поэтому одежду из такого материала старались шить детям или старикам. Все информанты воспринимают детскую одежду из-за её расцветки как праздничную. Пока ребёнок не участвовал во взрослой жизни, его холили, одевали красиво и удобно.

Если зимняя одежда выглядела празднично, то в межсезонье детям шили одежду «из чего придётся». «Одежду ребёнку можно пошить из ношенных вещей. Поношенная кожа называется *гивлюлин*, т.е. выдержанная, не поддаётся сырости. Из ношенной верхней мужской одежды можно пошить ребёнку штанишки. Такие вещи не жалко портить. Из ношеного материала хорошо шить вещи на весеннее время, когда слякотно и мокро», — рассказывала мастерица⁴³. Дети очень активны, и одежда на них быстро приходит в негодность.

На морском побережье одежду маленьким детям (обычно до 10 лет) любили шить из белька (детёныша) нерпы: его мех мягкий и очень тёплый. «Штаны из белька долго носятся, могли из него и кухлянку пошить. Подростковая одежда шилась как взрослая, а детская — из отходов. Если же недостатка в мехах не было, то и детям шили одежду как взрослым, с такими же меховыми оторочками и неброскими орнаментами»⁴⁴.

Одежду чукчанки изготавливали главным образом летом, когда мужчины со стадом уходили на дальний выпас. В это время старались и мужу, и детям, и себе всё новое пошить: *аноквыт*, *эвычан'эрғын* (нижняя кухлянка), *плекыт* (обувь), *к'онагтэ* (штаны). При этом все обновки готовили к празднику благодарения *вокатын'н'ок*, который обычно совмещался с августовским забоем оленей *выльгык'аанмат*⁴⁵.

Мастерство изготовления чукотской одежды формируется всей жизнью женщины. Девочку обучают искусству шитья с малолетства. Выбирая невесту, прежде всего обращают внимание на то, какая она мастерица. Высшим мастерством швеи считается умение шить именно детскую одежду. «В олонской тундре молодые женщины не шьют детские комбинезоны. Их шьют пожилые женщины. Вот мне сейчас 50 лет, а я ещё не умею их шить. Мне надо идти к старушкам учиться»⁴⁶. Возможно, искусство пошива детской одежды обусловлено сложностью кроя детского мехового комбинезона из одной шкуры. В некоторой степени оно схоже

⁴² ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.

⁴³ ПМА, Кымытваль З., Иультинский район, 1960 г.р.

⁴⁴ ПМА, Итевтегина В.К., Чукотский район, 1934 г.р.

⁴⁵ ПМА, Ирультына С., Шмидтовский район, 1948 г.р.

⁴⁶ ПМА, Терлецкая Т., Билибинский район, 1954 г.р.

с искусством оригами. Образцы детской одежды из собрания МОКМ хорошо демонстрируют виды кроя комбинезона для разных возрастов.

Для детской одежды чукчей характерен развитый мир символики, сакральных смыслов. Он отражается как в отделке, так и в охранительной атрибутике, которой обильно снабжена детская одежда. Чтобы защитить ребёнка от болезней и злых духов, к одежде крепили связки из мешочков с камнями и костью, фигурки человека-предка, отдельные ремешки. Считалось, что охранители «ограждали» ребёнка от недоброжелательных к людям существ *кэльэт* с первых дней появления на свет, сохраняли ему жизнь [5, с. 142].

Полевые записи учителя начальных классов Т.А. Молл, сделанные в с. Уэлен в 1928—1929 гг., свидетельствуют о традиции береговых чукчей украшать одежду детей охранными знаками, чтобы обеспечить благополучие: «В Уэлене маленьких ребят, как только они начинают ходить, обвешивают великим множеством маленьких идольчиков, ремешков, железок и колокольчиков. Всё это пришивается к одежде, кроме того, на шее и на поясе есть ремни с узелками. Всё это для охраны от злых духов»⁴⁷. В описании комбинезона новорождённого из собрания Магаданского краеведческого музея в качестве оберегов упоминаются полоски белого меха, вшитые в места соединения рукавов, предплечья, голенищ. В передней части комбинезона, под клапаном, пришиты антропоморфная фигурка «предка», засушенный «пупок» ребёнка в мешочке из ровдуги с бахромой. Такими же охранителями снабжён керкер девочки десяти лет. Грудная часть у ворота с левой стороны украшена связкой полосок шкурки коричневого цвета. Внутри керкера с правой стороны прикреплены амулеты: фигурка человека из кости, небольшие камешки в мешочках из ровдуги. Некоторые амулеты засалены, имеют чёрный цвет. Внутри керкера (у живота) пришиты четыре пары ремешков. Это тоже амулеты. В таком керкере девочка участвовала в сезонных праздниках чукчей по забою оленей. Во время обряда амулеты вынимали из мешочков, мазали жиром нерпы или кровью оленя, задабривая злых духов. Эти амулеты — личные охранители ребёнка [1, с. 195].

На костюме ребёнка было как бы два уровня защиты: личная и семейная. Личные охранители размещались в укромных местах одежды, например под мышкой⁴⁸. Родители или знахарь решали, какой оберег необходим в каждом конкретном случае. Семейные обереги помещали с внешней стороны одежды, чтобы все видели. Существовали ещё охранители локальных групп (кочевых объединений чукчей): они размещались в швах, по краю изделия.

Информаторы, учившиеся в интернатах, вспоминают: «Когда приезжали в тундру, мама сразу вешала на нас обереги: на шею шнурок с камешком, на руку, на запястье — просто шнурок. Носили, пока были в тундре, а в посёлке после первой бани снимали. Мы не считали это необходимым. В следующий раз мама опять вешала нам обереги»⁴⁹.

⁴⁷ Личный архив Фрейтаг И.П., дочери Т.А. Молл. СПб, 2015 г.

⁴⁸ ПМА, Ильина С., Билибинский район, 1935 г.р.

⁴⁹ ПМА, Кымытваль З., Иультинский район, 1960 г.р.

Полевые материалы свидетельствуют о том, что практика снабжения ребёнка фетишем лучше всего сохраняется в оленеводческой среде: здесь и сегодня выполняются обряды, почитаются предки. Система символической защиты для коренных жителей продолжает играть важную роль, хотя в её оценках уже нередко звучат скептические нотки. Старики рассказывают: «Детям на керкер вешают охранные амулетики, когда ребёнок начинает болеть. Обычно бабки это делают. Охранные амулеты, скорее всего, используют не для того, чтобы защитить человека, а чтобы родители были спокойны. Когда родители спокойны, то и дети здоровы. Как почувствуют родители что-то, так и дети ведут себя. Это как сообщающиеся сосуды. Охранители дают уверенность взрослым»⁵⁰.

В детской одежде отчётливо просматриваются возрастные категории, что наглядно выражается как в деталях одежды, так и в терминологии. Названия детской одежды, основанные на понятии «меховой комбинезон», представляют этимологические инкорпоративные комплексы с ведущей основой — *кэр*: *рылькэр* → *к'альгэкэр* → *н'авкэр* → *кэркэр*. В каждом случае в основе названия слово «керкер» — меховой комбинезон — и составное дополнение как возрастное определение состояния изделия. Форма детской одежды постепенно изменяется: от одежды новорождённого — *рылькэр* («куда вкладывают ребёнка»), затем — *к'альгэкэр* (самостоятельный меховой «дом» ребёнка), *н'авкэр* — одежда девочки-подростка и *керкер* — женский меховой комбинезон.

Кроме визуальных внешних трансформаций в детской одежде общество старалось отмечать переходы из одного возрастного периода в другой какими-либо обрядовыми действиями. Всё это могло происходить как внутрисемейно, так и с привлечением большого количества свидетелей. Таким образом происходила социализация человека, определялся круг людей, ответственных за дальнейшую его судьбу. Наряду с общими формами детской одежды существовали гендерные отличия в одежде переходного возраста. Если комбинезон является основной одеждой домочадцев, детей и женщин, то у мальчиков в переходном возрасте появляется мужская одежда *иръын*. Подростковый период считался самым ответственным в жизни: это период вхождения во взрослую жизнь. С того времени, как дети начинали носить взрослую одежду, от них ожидали и взрослых поступков.

Наряду с общими формами детской одежды на территории Чукотки существовали и локальные различия. Они выражались в наличии или отсутствии отдельных деталей костюма, в количестве одежды, в качестве сырья, вариантах декора. Вариативность видов одежды более всего наблюдается в контактной зоне соседствующих культур. Это касается как сырья, так и силуэта. Если в оленеводческой среде традиционным видом детской одежды является *к'алгэкэр*, то у морских охотников дети носили как комбинезоны, так и кухлянки эскимосского стиля. Данная особенность была связана с обрядом имянаречения.

⁵⁰ ПМА, Тевлялькот А.Е., Иульгинский район, 1947 г.р.

Большое значение для чукчей имел сакральный, символический смысл вещей. Мировоззренческие установки находят отражение как в отделке детской одежды, так и в охранительной атрибутике, которой она обильно снабжена. Собранный материал свидетельствует о том, что практика защиты ребёнка фетишем была сильна в среде, где соблюдались промысловые традиции.

Ярко выраженный символический аспект в детской одежде чукчей говорит о богатых духовных традициях народа. Детский меховой комбинезон в своей основе символичен для кочевой оленеводческой культуры. Об этом свидетельствует декоративное оформление головного убора и капюшона, все символические элементы которого обязательны. Традиция оформления головных уборов в форме головы оленя архаична и восходит ко времени охоты на диких оленей и их приручения. В настоящее время ушки на меховой одежде свидетельствуют о наличии личных оленей, что является особой гордостью каждого оленевода. Традиционная детская одежда не потеряла своего функционального значения и духовной составляющей в современной жизни коренных жителей Чукотки.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Беляева А.В. Некоторые предметы быта чукчей села Амгуэма // Краеведческие записки Магаданского областного краеведческого музея. Магадан, 1982. Вып. XII. С. 188—195.
2. Беляева А.В. Этнографическая поездка в Анадырский район // Краеведческие записки Магаданского областного краеведческого музея. Магадан, 1965. Вып. V. С. 27—38.
3. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991. 224 с.
4. Богораз В.Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н.Л. Гондатти // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Академии наук, II. СПб., 1901. С. 1—70.
5. Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера. Сб. музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1977. Вып. XXXIII. С. 117—171.
6. Вуквукай Н.И., Коломиец О.П. Традиционное воспитание и этнопедагогические знания коренных народов Чукотки (на примере чукчей) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7. С. 41—46.
7. Годовых Т.В., Дохнова Л.И., Тынены Т.И. Растения в этномедицине Чукотки. Магадан: ЧФ СВКНИИ ДВО РАН, 2005. 217 с.
8. Дитмар К. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах // Вестник РГО. 1856. Ч. XVI. Отд. V. С. 19—39.
9. Жилище, одежда, национальная кухня / Чукот. окр. центр нар. Культуры / авт. и сост. А. Тевлялькот. Анадырь: 1993. 42 с.
10. Леонтьев В.В. Антымавле — торговый человек: повести, рассказы, новеллы. М.: «Сов. Россия», 1974. 352 с.
11. Прыткова Н.Ф. Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 5—88.

12. Рагтытвал Р.М. Этнографическая коллекция телькепских оленных чукчей (с. Алькатваам Беринговского района) // Краеведческие записки Магаданского областного краеведческого музея. Магадан, 1984. Вып. XIII. С. 101—108.
13. Рытхэу Ю. Сон в начале тумана. Роман. Магадан: Кн. изд-во, 1988. 502 с.

REFERENCES

1. Bel'ajeva A.V. Nekotoryje predmety byta chukchej sela Amguema [Some everyday items of the Chukchi in the village Amguema]. *Krajevedcheskiye zapiski Magadanskogo oblastnogo krajevedcheskogo muzeja* [Regional notes of Magadan Regional Museum of Local Lore]. Magadan, 1982, vol. XII, pp. 188—195. (In Russ.)
2. Bel'ajeva A.V. Etnograficheskaja pojezdka v Anadyrskij rajon [Ethnographic trip to the Anadyr region]. *Krajevedcheskiye zapiski Magadanskogo oblastnogo krajevedcheskogo muzeja* [Regional notes of Magadan Regional Museum of Local Lore]. Magadan, 1965, vol. V, pp. 27—38. (In Russ.)
3. Bogoraz V.G. Oчерk material'nogo byta olennykh chukchej, sostavlennyy na osnovanii kolleksij N.L. Gondatti [Essay of everyday life of the reindeer Chukchi based on the collections by N.L. Gondatti]. *Sbornik Muzeja po antropologii i etnografii pri Akademii nauk* [The collection of Museum of anthropology and ethnography of the Academy of Sciences]. Saint-Petersburg, 1901, pp. 1—70. (In Russ.)
4. Bogoraz V.G. *Materialnaja kultura chukchej* [Material culture of the Chukchi]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 224 p. (In Russ.)
5. Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Religious cults of the Chukchi]. *Pam'atniki kul'tury narodov Sibiri i Severa. Sb. muzeja antropologii i etnografii* [Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North. The collection of Museum of anthropology and ethnography]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. XXXIII, pp. 117—171. (In Russ.)
6. Vukvukaj N.I., Kolomijets O.P. Traditsionnoje vospitanije i etnopedagogicheskiye znanija korennykh narodov Chukotki (na primere chukchej) [Traditional education and ethnopedagogic knowledge of indigenous people of Chukotka (through the example of the Chukchi)]. *Tambov, Gramota Publ.*, 2012, no. 7, pp. 41—46. (In Russ.)
7. Godovykh T.V., Dokhnova L.I., Tyneny T.I. *Rastenija v etnomedsine Chukotki* [Plants in ethnomedicine of Chukotka]. Magadan, ChF SVKNII DVO RAN Publ., 2005, 217 p. (In Russ.)
8. Ditmar K. O koryakakh i ves'ma blizkikh k nim po proiskhozhdeniju chukchakh [About the Koryaks and close to them by origin the Chukchi]. *Vestnik RGO*. 1856, part XVI, vol. V, pp. 19—39. (In Russ.)
9. Tevl'alkot A. *Zhilishche, odezhda, natsionalnaja kukhn'a* [Home, clothing, ethnic cuisine]. Anadyr, 1993, 42 p. (In Russ.)
10. Leontjev V.V. *Antymavle — trgovyj chelovek. Povesti, rasskazy, novelly* [Antymavle — the tradesman. Tales, stories, novels]. Moscow, "Sov. Rossiya" Publ., 1974, 352 p. (In Russ.)
11. Prytkova N.F. Odezhda chukchej, koryakov i itelmenov [Clothing of the Chukchi, the Koryaks, and the Itelmen]. *Material'naja kul'tura narodov Sibiri i Severa* [Material culture of the people of Siberia and the North]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, pp. 5—88. (In Russ.)
12. Ragtytval R.M. Etnograficheskaja kolleksija telkepskikh olennykh chukchej (s. Alkatvaam Беринговского района) [The ethnographic collection of the reindeer Chukchi (the village of Al'katvaam of the Bering region)]. *Krajevedcheskiye zapiski Magadanskogo oblastnogo krajevedcheskogo muzeja* [Regional notes of Magadan Regional Museum of Local Lore]. (In Russ.)
13. Rytkheu Yu. *Son v nachale tumana. Roman* [Sleep in the beginning of fog. Novel]. Magadan, Knizhnoe izd-vo Publ., 1988, 502 p. (In Russ.)